

стрелы градом, так что в городе не нашлось человека, который осмелился бы показаться на стенах. Турки дошли до рвов и, спустив туда копачей (mineurs), приставили лестницы к стенам. В два дня они подкопали стены на 15 локтей (toises). Подкопав и подперев стену бревнами, они подложили огня, и подкопанная часть стены обрушилась в ров. Христиане не могли вести контрминны (miner encontre), ибо опасались камней и стрел, которых они бы не выдержали.

Тогда христиане собрались для совещания, как поступить; они явились к патриарху и к Ибелшу и говорили им, что они предпочитают идти ночью для нападения на лагерь и умереть в честном бою, нежели быть взятыми в городе и постыдно умерщвленными. Они видели, что нет возможности выдерживать долее, что дальнейшая защита не послужит ни к чему и лучше уже умереть там, где Христос претерпевал за нас смерть, нежели сдать город. Граждане, рыцари и простые воины согласились с этим решением, но патриарх предложил противное: «Господа, я вполне одобрил бы это, ежели бы не было ничего другого; но если мы погубим себя и вместе с собой других, которых могли бы спасти, то в таком случае тот план нехорош: на каждого человека в городе приходится до 50 женщин и детей; если же мы падём, то сарацины захватят их и не убьют, а обратят в веру Магомета, и они будут потеряны для Бога; если же, с Божьей помощью, кто-нибудь из нас мог бы ходатайствовать перед сарацинами так, чтобы мы могли выйти и скрыться в христианской земле, то такой исход дела казался бы мне лучшим, нежели подверженная случайностям битва». Все согласились с этим советом и просили Балиана Ибелина идти к Саладину и спросить, каковы его условия. Он пошел и начал переговоры, но пока они говорили о сдаче города, турки сделали приступ, притащили лестницы и поставили их к стене. От десяти до двенадцати знамен уже развевались на стене, и неприятель даже успел войти проломом в город. Саладин, увидев своих людей и знамена на степях, сказал Балиану: «К чему вам предлагать и рассуждать о сдаче города, когда мои люди готовы и без того войти туда? Теперь поздно: город уже мой».

Но едва он выговорил это, как наш Господь вдохновил такой отвагой христиан, находившихся на стене, что они оттеснили и сбросили турок со стен на землю, даже загнали их за ров. Саладин, видя то, смелся и опечалился; а Балиану приказал возвратиться и прийти завтра, когда он охотно выслушает все, что бы он ни пожелал. Скажу вам еще, что ночью из метательной машины камень ударился с такой силой о палисад окопов, что этот палисад обрушился с великим шумом; стража в лагере и городе начала кричать от страха: «Измена, измена!» В городе думали, что сарацины ворвались, а в лагере полагали, что христиане уже в лагере.

Иерусалимские дамы (les dames) взяли чаши и, поставив их на площади перед Лобным местом, наполнили холодной водой; погрузив туда своих дочерей, они отрезали им косы и бросили прочь. Священники, монахи и монахини ходили босоножими процессией по городским стенам и носили перед собой св. крест, который имели сирійцы. Священники пели на головах corpus Domini (тело Христово); но Господь наш Иисус Христос не хотел внять им, сколько они ни молились; ибо грязная и вожжочая роскошь и распутство не допускали молитвы подняться к Богу. Наш Господь не хотел более терпеть их и до того вымел город от жителей, что в нем после не осталось ни мужчины, ни женщины, ни ребенка, кроме двух пожилых людей, которые также не долго жили после того. Впрочем, оставим это и скажем о Балиане Ибелине, который отправился к Саладину, чтобы сдать город.

Автор описывает новое свидание Балиана с Саладином, которое не привело ни к чему, потому что Балиан домогался свободного пропуска жителей, а Саладин требовал со всех без различия, и с богатых, и с бедных, по 20 ливров с мужчины, 10 – с женщины и 5 – с детей. Балиан, возвратившись в город, объявил волю султана, и было положено для выкупа бедных взять английские сокровища в Гоститале, а Балиана отправить в третий раз к Саладину в надежде выторговать у него что-нибудь.

Балиан отправился в третий раз к Саладину, и тот спросил его, зачем он пришел. «Государь, – сказал Балиан, – я при-